

В Великом императорском дворце Чжоу есть четыре ворот: ворота Чжэнъян обращены на юг, ворота Шенву обращены на север, а с левой и правой сторон находятся ворота Цинхуа и ворота Цзыво соответственно.

Чиновники входят во двор через ворота Чжэнъян и покидают его через ворота Цзыво.

Смена Императорской гвардии происходит у ворот Чжэнъян для въезда и Шенву для выезда.

Воротами Цинхуа обычно пользуются члены королевской семьи и знать, или министры, вызванные в спешке, а также ученые, сдавшие гражданские и военные экзамены, которые были допущены к дворцовому экзамену.

По прибытии к воротам Цинхуа даже принцесса должна выйти из Нефритовой кареты и войти внутрь, а также представить приказ о вызове и брошюру с декларацией о въезде, чтобы попасть в Императорский дворец.

Процесс громоздкий; отсутствие какой-либо детали привело бы к тому, что вас не пустили бы наружу, и даже Чэн Гуан, как наследник герцога Города-Нации, не смог бы сегодня войти в императорский дворец без сопровождения госпожи Ву.

С этого момента торжественная аура витала вокруг них, как воздух.

Чэн Гуан вышел из Нефритовой кареты, оглядывая высокие стены, облицованные красной плиткой, которые имели необъяснимое сходство с Императорским дворцом, который он видел в фильмах и сериалах из своей прошлой жизни.

Однако Великий императорский дворец Чжоу был намного великолепнее любого дворца, который Чэн Гуан видел в своей предыдущей жизни, со стенами высотой не менее тридцати футов.

Благодаря существованию в этом мире многих могущественных мастеров боевых искусств городская стена и павильоны были вырублены из целых блоков твердого белого нефрита - шедевра мастерства.

Хотя она передавала сильное ощущение утонченности, от нее также исходили видимая роскошь и благородство.

За воротами Цинхуа стояли на страже императорские гвардейцы. Каждый стражник был облачен в тяжелую кольчугу, полностью вооружен, излучал леденящую душу серьезность, каждый был первоклассным экспертом по боевому искусству.

После тщательного изучения приказа о вызове и брошюры с декларациями стражники в сторонке разрешили проход. Тем не менее, количество сопровождающих, которым было разрешено следовать, было ограничено; кроме двух личных служанок, никому больше не разрешалось входить внутрь, и им приходилось ждать снаружи.

“Гуан’эр, пошли”, - сказала миссис Ву.

Она была очень хорошо знакома с Императорским дворцом, поскольку выросла там с детства, но Чэн Гуан бывал там не так уж часто, поэтому она намеренно взяла его за руку и повела во внутренние помещения дворца.

Императорский дворец был огромен, его необъятность была видна невооруженным глазом. С

первого взгляда нельзя было увидеть его конца; высокие павильоны и стены скрывали роскошный и величественный вид, напоминающий небольшой город.

Если бы он был настоящим наследником престола, Чэн Гуан не нервничал бы так из-за посещения дворца; но он был всего лишь заменой. Если бы он был неосторожен и принял себя за настоящего наследника престола, разоблачение во дворце, скорее всего, привело бы к жалкой смерти.

Чэн Гуан хорошо осознавал свои пределы. Он избегал вещей, к которым не должен был прикасаться, и по возможности хранил молчание, потому что то, как можно умереть, даже не подозревая, было реальной опасностью здесь.

Пока Чэн Гуан был погружен в раздумья, процессия ненадолго остановилась, прежде чем продолжить путь к дворцовым воротам поменьше.

Здесь было заметно меньше императорской стражи по сравнению с воротами Цинхуа, но качество этих охранников было на несколько уровней выше.

Эти охранники были одеты в серебряные доспехи и стояли неподвижно с серьезными выражениями лиц, но в следующий момент можно было почувствовать, как будто они наблюдали, одно их присутствие вселяло невольный холод в сердца тех, у кого уровень развития был ниже.

Это не было преднамеренным поступком со стороны охранников, а результатом их темперамента, естественно развившегося в результате длительных боевых действий. Это было почти так, как будто их аура образовала домен; любой менее могущественный человек, попавший в определенный диапазон, обнаружил бы, что его боевые способности снижены на тридцать процентов.

Большинство этих людей были офицерами на поле боя, которым теперь было поручено просто охранять ворота этого дворца.

В глубине души Чэн Гуан не мог не сетовать на безжалостность королевской семьи.

Когда он вошел во дворец, вид экзотических цветов и редких пейзажей заставил Чэн Гуана тайне восхититься. После короткой экскурсии он прибыл в главный зал дворца.

Войдя в главный зал, он увидел пожилую женщину с добрым лицом, держащую буддийское писание, в линзовом устройстве, похожем на очки для чтения, которая, прищурившись, внимательно изучала текст.

Волосы пожилой женщины были серебристо-седыми, и она была одета в пурпурную мантию с драконом, с нефритовой заколкой в виде девяти драконов в волосах и ниткой белого нефритового жемчуга на шее, излучая невероятную роскошь.

Она была вдовствующей императрицей Ли из Великой династии Чжоу. Она служила Предку, и нынешний император был воспитан ее рукой. Она свергла Наследного принца, выбранного Предком, и восхождение Ву Шанга на трон также было организовано исключительно ею.

Пожилая леди, возможно, и казалась доброй, но она была не так проста, как казалась на первый взгляд.

В этот момент Чэн Гуан тоже заметно напрягся; хотя вдовствующая императрица почти не

видела Наследного принца, кто знал, заметит ли она, что он просто самозванец.

“Мама, Юэмэй выражает свое почтение”, - сказала миссис Ву, потянув Чэн Гуан на колени перед старой леди.

“О, Юэмэй здесь”, - сказала вдовствующая императрица Ли, которая читала свою книгу. Услышав голос госпожи Ву, она опустила глаза, и ее лицо тут же осветилось улыбкой.

Чэн Гуан заметил пронзительный взгляд старухи, устремленный на него и миссис Ву, и быстро, подражая миссис Ву, сказал почтительно,

“Приветствую Великую Праматерь, пусть твое счастье будет таким же огромным, как Восточное море, а твоя жизнь такой же длинной, как Южные горы, всегда улыбайся и будь в добром здравии”.

Чэн Гуан невольно выпалил благословляющие фразы, известные из его прошлой жизни, и сразу после произнесения ему захотелось вlepить себе несколько больших оплеух.

Образ Наследника престола, безусловно, был не из тех, кто произносит подобные фразы; обычно он был сдержан и, возможно, немного надменен, с видом единственного трезвенника в мире пьяниц.

Разрушен.

Его личность рухнула.

Чэн Гуан чувствовал, что падает в пропасть, не смея встретиться с пронзительным взглядом старой женщины.

Тем не менее, развитие событий оказалось не таким ужасным, как представлял себе Чэн Гуан.

Услышав слова Чэн Гуана, вдовствующая императрица Ли сначала опешила, затем ее улыбка стала десятикратной.

“О боже, прошло много времени, но маленький Гуан’эр научился так сильно радовать свою великую праматерь. Подойди поближе, дай мне хорошенько на тебя посмотреть”.

Необходимо сказать одну вещь: причина, по которой Наследник престола пользуется таким почитаемым статусом, даже осмеливается найти замену, чтобы тайно обмануть Чэн Чжихая и У Юэмэй, улизнуть и играть самостоятельно.

Основная причина этого - особая привязанность правящей вдовствующей императрицы к Чэн Гуану.

Этого никто не понимает.

По логике вещей, собственному внуку, королевскому потомку, следует оказывать большее предпочтение.

Тем не менее, ситуация совершенно противоположная, поскольку всем известно, что, хотя вдовствующей императрице Ли также нравится королевский потомок, она испытывает большую привязанность к Чэн Гуану.

Все не могут удержаться от предположений, повлиял ли на это герцог Чжэнь Го, присутствие

Чэн Шиюаня за кулисами.

Вдовствующая императрица Ли в этот момент полностью игнорирует свою дочь и ставит перед собой Чэн Гуана, по ее словам, полного беспокойства.

“О, Гуан’эр, прошло совсем немного времени с тех пор, как я видела тебя в последний раз, почему ты стал таким худым? И твои руки стали такими грубыми, твой отец снова заставлял тебя заниматься боевыми искусствами?”

“Твой цвет лица тоже не кажется таким уж хорошим. Ты болен или что? Позже твоя бабушка отведет тебя к Императорскому врачу, чтобы тот прописал тебе несколько лекарств”.

“Если тебе еще что-нибудь понадобится, просто скажи своей бабушке, если твой отец снова заставит тебя заниматься боевыми искусствами, твоя бабушка вступится за тебя”.

Чэн Гуан на мгновение растерялся, не ожидая, что бабушка Наследника престола отреагирует подобным образом, в то же время он вздохнул с облегчением, увидев, что его маскировка не была раскрыта.

Что касается худобы, то раньше он работал кучером и не мог наесться досыта или надеть теплую одежду. Ему уже повезло, что он не умер с голоду, и он даже немного прибавил в весе за последнее время.

Чэн Гуан мысленно выругался, но, конечно, не осмелился высказать свои жалобы. Немного подумав, он вместо этого хитро начал выражать беспокойство о своей бабушке.

“Бабушка, я в порядке. Вместо этого именно ты должна хорошо заботиться о своем здоровье и не переутомляться. Пока бабушка здорова, я буду полностью доволен ”.

Эти слова почти пробили защиту старой женщины, ее глаза немного увлажнились, и хотя ее речь была простой, ее эмоции были искренними.

Ее сердце наполнилось теплом и привязанностью.

“Мой дорогой внук, ты единственный, кто действительно знает, как ухаживать за своей бабушкой; мое тело все еще сильное”.

“Пойдем, пойдем, ты, должно быть, проголодался после путешествия. Здесь много сладостей, которые ты любил с детства, возьми немного и съешь”.

“Хуан Ин, пойді прикажи Императорской Кухне приготовить немного Духовной Пищи”.

Вдовствующая императрица Ли проявила большое сострадание, проинструктировав находившуюся рядом дворцовую служанку приготовить Духовную пищу.

Дворцовая служанка утвердительно кивнула с улыбкой и повернулась, чтобы уйти и заняться приготовлениями.

“Мама, Гуан’эр уже не так молод. Я планирую в ближайшее время подыскать ему подходящую пару. Я не знаю, девочка из какой семьи подойдет; Мне понадобится ваша помощь в принятии решения, когда придет время.”

У Юэмэй говорила тихо, раскрывая свои намерения.

Когда вдовствующая императрица Ли услышала эту тему, ее настроение сразу поднялось, и она села прямее.

“Я, конечно, должна быть вовлечена в надзор за его браком. Юэмэй, у тебя есть на примете какие-нибудь подходящие кандидатуры?”

Вдовствующая императрица Ли переключила свое внимание с Чен Гуана на госпожу Ву, и они вдвоем начали обсуждать перспективы его женитьбы.

Если быть точным, то дело было не в перспективах женитьбы Чен Гуана, а в перспективах наследника престола.

Юэмэй заметно расслабилась в присутствии своей матери, загибая пальцы, как маленькая дочь, когда она перечисляла свои варианты.

“Законная дочь министра доходов, Сун Ванью, не имеет себе равных как в поэзии, так и в литературе и является известным талантом в столице. Имея уровень совершенствования уже в третьем классе Пурпурного Особняка в юном возрасте, она достойна похвалы как в письмах, так и в боевых навыках и кажется вполне подходящей. ”

“Дочь военного министра, Ван Дуодуо, также превосходна, с телосложением, которое предполагает, что она может рожать детей, и уровень ее самосовершенствования также высок, достигая пятого уровня в Сфере Высшего Бога. Она считается выдающейся среди молодого поколения.”

“ ... ”

Вдовствующая императрица Ли выслушала каждую, затем своевременно высказала свое собственное мнение и оценки, неожиданно создав впечатление придирчивости, как при совершении покупки, казалось бы, как только ей что-то приглянется, семьи девочек действительно выдадут их замуж просто так.

И, по правде говоря, это действительно было так.

Он был наследником герцога Города-Нации, племянником императора и единственным сыном принцессы Юэмэй — с такими титулами выбирать девушек было практически делом его слова.

Чэн Гуан, увидев, что вдовствующая императрица Ли и госпожа Ву были увлечены разговором и больше не обращали на него внимания, вздохнул с облегчением. Продолжайте и говорите; я просто слушаю.

В конце концов, я всего лишь дублер, практически невидимый; эти вещи не имеют ко мне особого отношения.

Однако это было в тот момент.

Голос девушки внезапно повысился.

“Прибыли вдовствующая императрица, императрица и несколько Благородных супругов в сопровождении нескольких принцев и принцесс”.

Когда голос повторился, улыбка на лице вдовствующей императрицы Ли заметно померкла.

Тон Юэмэй на мгновение прервался; она быстро взяла себя в руки и оделась, не продолжая

обсуждать перспективы брака Чэн Гуана с вдовствующей императрицей Ли, но почтительно перевела взгляд на двери дворца.

Очевидно, что с приходом других людей было уже неуместно продолжать обсуждение брака Чэн Гуана.

<http://tl.rulate.ru/book/119458/4907490>